

Этническая идентификация Пазырыкской культуры (историография вопроса).

Ахмет Татаров (Казань, Татарстан, Российская Федерация)

http://idel-altai.ucoz.ru/publ/ehnicheskaja_identifikacija_pazyrykskoj_kultury_istoriografija_voprosa/1-1-0-1

Необходимость разобраться в спектре различных мнений о этнокультурогенезе пазырыкцев стимулировало работу над этой статьей. Пазырыкская культура имеет обширную литературу, разбросанную по различным сборникам и монографиям. В научной литературе встречаются научные гипотезы о роли пазырыкской культуры в качестве стартового при формировании культурных особенностей и этногенеза иранских народов и тохар, тибето-бирманской языковой семьи, самодийской языковой группы уральской языковой семьи, представителей почти всех групп алтайской языковой семьи.

По устному сообщению Д.Г.Савинова, пазырыкская культура уникальна тем, что это единственная отлично сохранившаяся культура в Центральной Азии. Постольку в вечной мерзлоте хорошо сохраняется органика, то народный пласт этнографической культуры в таких условиях отлично представлен. Японские ученые также своих предков стали выводить с Пазырыка. Как источник Пазырык излишне богатый, поэтому при желании там все можно найти. А.И.Гоголев считает пазырыкскую культуру стартовым при формировании якутской культуры и этногенеза, поэтому ознакомительная статья об истории идентификации пазырыкской культуры будет интересной для интересующихся древней историей Южной Сибири. А.И.Гоголев связь якутской культуры со скифо-сибирской эпохой объясняет тем фактом, «что в этногенезе якутов приняли участие какие-то ранние, по всей вероятности, тюркские или отюреченные этногруппы индоиранского (сакского) происхождения, имевшие связи с пазырыкцами Горного Алтая» (Гоголев, 1993).

Еще германская исследовательница Улла Йохансен в работе «Орнаментальное искусство якутов» вышедшего в 1954 г. в Гамбурге и переизданного в 2008 г. в Якутске на русском языке приводит данные о сходстве или идентичности якутских узоров алтайским узорам V-III в. до н.э. Многие пазырыкские узоры даже полностью идентичны якутским. Анализируя якутские орнаменты, она пришла к выводу, что предки саха «пришли на Среднюю Лену не как изолированные и воинствующие племена, а как экономически развитые, социально дифференцированные сообщества, имеющие контакты с важнейшими культурными центрами своего времени» (Йохансен, 2009)

По словам А.И.Гоголева, из всех тюркоязычных народов гривны сохранились только у якутов. Якутские гривны соединялись на концах кожаными ремешками. Они считались атрибутами замужних женщин, знаком их зрелости и в какой-то степени знатности (Гоголев, 1993). В сравнении в погребениях пазырыкцев встречены гривны плоской и круглой витой формы. Несколько отличные от них гривны, концы которых соединялись кожаными ремешками, бытовали в это время в Туве (Грач, 1980, с. 36).

В пазырыкских курганах найдена обувь из выделанной кожи, на подошве без подметок и каблуков, в носке кожа присборена. Для украшения применялся бисер, нанизанный на тонкую крученую сухожильную нить. Близкие традиции в изготовлении обуви сохранялись у якутов до XX в. Деревянные сосуды саглынской скифской культуры в Туве, синхронной с пазырыкской, изготовлены в большинстве случаев из

корня березы (Грач, 1980, с. 34), как это наблюдалось намного позже у якутов и других тюркоязычных народов Сибири.

А.П.Окладников полагал, что форма скифских котлов определенным образом повлияла на конфигурацию якутских деревянных чоронов. Следует к этому добавить, что скифы готовили кумыс в деревянной посуде. Ручка из одной деревянной посуды из Пазырыка оформлена в виде копыт лошади (Руденко, 1948, с. 44), как ножки поздних якутских чоронов.

По словам А.И.Гоголева, все это позволяет предположить наличие ирано-сакского и тохарского влияния (этнического суперстата) в становлении древнетюркской культуры. Исследователи давно уже высказывали идею преемственности многих черт культуры древних тюрков от предшествующего скифо-сибирского этапа. Так, на Алтае, в Туве и Хакасии они проявляются, например, в способе доения кобыл с применением костяных трубочек, описанных еще Геродотом у скифов. В качестве намордников у этих народов и сейчас используются специальные дощечки с острыми зубчатыми концами, подвязываемые на мордочки телят и жеребят. Все эти навыки, выработанные в период раннего кочевничества, до недавнего времени сохранялись у якутов (Каралькин, 1978, с. 46).

В хозяйстве пазырыкцев Горного Алтая, сагылинцев Тувы для шитья применялись сухожильные нити и конские волосы. Из этого материала свивали арканы и веревки. Изготавливались большие сумы типа переметных из хорошо выделанной кожи, меховые нагрудники, мягкая кожаная обувь. Все эти вещи составляют определенную часть материальной культуры саха и других тюркских народов Сибири, а также казанских татар (Руденко, 1948, с. 58-60). Кроме того, женская шапка дьабака по своей форме близка фасону скифо-сакского головного убора.

По своим конструктивным особенностям и строительным приемам погребальные сооружения саха, по мнению Р.И.Бравиной, близко стоят к погребальным сооружениям Алтая пазырыкского времени. По словам Р.И.Бравиной, анализ элементов срубной техники саха на примере погребальных памятников позволяет сопоставить их с погребальными сооружениями Алтая пазырыкского времени. Так, основные приемы обработки концов бревен для угловых сопряжений срубов в Пазырыкских курганах и надмогильных сооружений саха во многом идентичны (Бравина, 1996, с. 128).

Р.С.Гаврильева анализируя истоки национальной якутской одежды, часто приводит параллели с Пазырыкской культурой. Так якутскую женскую свадебную одежду тангалай с ее короткими, достигающими только до локтей рукавами, она считает, что «вероятно, олицетворяют крылья птицы; замужняя женщина теряла свою свободу, и короткие рукава-крылья как будто свидетельствовали об этом» (Гаврильева, 2000, с. 66).

Пазырыкцы в качестве отделки использовали мех соболя и шкуру черного жеребенка. Такое сочетание меха ценных пушных зверей и жеребьячьих шкурок очень часто встречается в отделке старинной якутской одежды (Гаврильева, 1998, с. 41). Эти материалы из ее монографии часто использует Н.В.Полосьмак в книге «Всадники Укока» при объяснении семантики костюма пазырыкцев (Полосьмак, 2001, с. 189).

В I Международном конгрессе средневековой археологии Евразийских степей в г. Казань 2010 г. с интересным докладом выступила Е.Е.Никанорова. Известно, что в скифскую эпоху на Алтае и в Средней Азии «была широко распространена техника вырезывания из кожи и войлока аппликаций» (Руденко, 1962, С. 54). Так вот, находки в Пазырыкских курганах дали многие образцы аппликативных узоров, которые и графически и стилистически очень близки орнаменту аппликации на голенищах башкирской обуви. По ее утверждению, орнамент, восходящий истоками к традициям

ранних кочевников, украшал обувь, характерную для таежных охотников Сибири, название же обуви (сарык) имеет иранский корень. Она отмечает, что в культуре пазырыкцев, в частности в одежде, отмечаются элементы, имеющие аналогии у таежных народов Сибири, в частности у тунгусов (Никанорова, 2009, с. 175).

В ноин-улинских, в пазырыкских и таштыкских могилах (Уйбат, Оглахты) существовал обычай класть отрезанные косы в знак печали по погребенным. Этот обычай по словам П.Б.Коновалова отмечают китайские летописи ханьского времени. Во всех пазырыкских курганах были найдены походные деревянные столики со съемными крышками в виде блюд. Такие же столики были обнаружены в погребениях Ноин-Улы, где в кургане 6 сохранились ножки, покрытые лаком, характерным для изделий ханьского времени (Коновалов, 2008, с. 39).

Л.А.Евтюхова высказывала свое убеждение в почти полной тождественности конструкции пазырыкских и ноин-улинских сооружений. Тождество в устройстве погребальных камер Пазырыка и Ноин-Улы подкрепляется, еще обычаем драпировать внутренние стены камер войлочными коврами и шелковыми тканями (Евтюхова, 1954, с. 145-150).

Пазырыкский курган отличается чертами сходства с хуннскими погребальными памятниками. Особенно ярко это выражено в конструкции двойной погребальной камеры, сближающейся с Ноин-Улой даже в обработке и качестве строительных материалов, а также в деталях отделки стен и покрытия (драпировка стен, покрытие потолка особыми растениями) (Киселев, 1949, с. 38).

С.И.Руденко критиковали в преувеличении связей древних пазырыкцев со скифами: «Преувеличивая «скифские» черты Пазырыка, автор оставляет без внимания близость пазырыкских погребальных сооружений Минусинской котловины последних веков до н.э. и особенно к усыпальницам хуннских шаньюев в Ноин-Уле (северная Монголия)» (Смирнов, 1953, с. 121).

Таким образом, есть основания связывать Пазырыкскую культуру Горного Алтая с тюркоязычными кочевниками, чем с ираноязычными. Пазырыкская культура, судя по всему, входила в территорию формирования пратюркской культуры, хотя ее обитатели могли в древности относиться к ираноязычным или самодиязычным народам.

С.И.Руденко предложил отождествлять «пазырыкцев» с юэчжами китайских источников. С этим согласились С.Г.Кляшторный, Д.Г.Савинов и другие исследователи. Юэчжийские князья, похороненные на Алтае, сражались далеко на Востоке ради власти «над народами, натягивающими лук», свидетельством этого стала пазырыкская узда с иконографическими изображениями хуннов. Подвески из Пазырыка мастерски изображают лица людей с ярко выраженными монголоидными чертами. Как считает С.Г.Кляшторный, позолоченные головы на пазырыкской узде, украшавшие парадный убор коня одного из юэчжийских вождей, это головы убитых им воинов-гуннов, из черепов которых были сделаны золоченые чаши (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 24-25).

С.Г.Кляшторный, ссылаясь на Мандельштама и Новгородову, утверждает, что та ветвь юэчжийских племен, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее – в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юэчжей. По своим генетическим связям северные юэчжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья, аналогичные цагангольским, тамги которых зафиксированы для III-I вв. до н.э. Цагангольский комплекс тамг свидетельствует о расселении в Юго-Западной Монголии, по крайней мере в пределах Монгольского и Гобийского Алтая, во второй половине I тыс. до н.э. группы иранских племен (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 23).

Д.Г.Савинов предложил отождествить «пазырыкцев» Горного Алтая с юэчжами,

при условии широкого понимания границ распространения памятников пазырыкского типа, включающих территорию Саяно-Алтайского нагорья, Западной Монголии и Восточного Туркестана (Кляшторный, Савинов, 1994).

Ю.А.Зуев вводит термин «юэчжи-пазырыкцы». По его мнению, память о юэчжи сохранилась в виде Пазырыкских курганов. Появление юэчжи в этом регионе, по данным лингвистики, относится к VII-VI вв. до н.э. Он также намекает на мнение других ученых, считавших их тохарами. Термин юэчжи означает «род Луны». Юэчжи Ю.А.Зуев отождествляет с асианами завоевавшими Бактрию, утверждая тождество этнонимов ати-асы-ути (Зуев, 2002).

На основании данных археологии, письменных источников и исторических сведений А.Н.Бернштам пришел к выводу о прямой связи саков и усуней Семиречья и Тянь-Шаня. Могильники сакской эпохи единого типа он прослеживает до зоны «золотоострегущих скифов», под ними он понимал носителей пазырыкской культуры. Усунские племена по его мнению, формировались на сакской основе, подтвержденной впоследствии антропологическими исследованиями. Эта антропологическая общность имела в своем генезисе общий компонент в среде населения культур окуневского круга (Чикишева, 2003, с. 114-115).

Г.Н.Курочкин выдвинул идею о скифских корнях сибирского шаманизма и отнес к скифской эпохе ряд элементов ритуальной практики сибирских народов. Могильник Пазырык он предлагал рассматривать как «корпоративное кладбище жрецов, поскольку на Алтае был размещен сакральный центр скифского мира». Д.А.Мачинский же предположил, что в Горный Алтай сакральный центр переместился из Хакасско-Минусинской котловины в VI в. до н.э. (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 94).

Н.В.Полосьмак вслед за другими учеными, признает в качестве важной составляющей религиозно-мифологической системы кочевников Горного Алтая индоиранский пласт. Это проявляется, в «комплексе коня», как проводника умерших в загробный мир, в представлениях о трехуровневом строении вселенной, в обычае бальзамирования, в составе пантеона богов (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 90).

О проникновении вглубь Юго-Восточной Азии представителей центральноазиатского населения свидетельствует известный "всаднический комплекс" в культуре Диена, сформированный в середине I тысячелетия н.э. под непосредственным влиянием всадников евразийских степей. Широкие и длинные шерстяные сшитые юбки, входившие в комплект центральноазиатского костюма, были, как и многое другое (штаны, головные уборы с перьями, распашные куртки, нагрудники, все возможные обмотки на ноги и т.п.), могли быть заимствованы народами Юго-Восточной Азии (Полосьмак, 2005).

Отсутствие прямой генетической преемственности между основным кругом памятников аржано-майэмирского времени, относящихся к бийкенской культуре и объектами пазырыкского периода объясняется тем, что во 2-3 четверти VI в. на территорию Горного Алтая переместилась большая группа «ираноязычных» племен. Одни исследователи склонны видеть в этих племенах саков Восточного Казахстана, другие – юэчжи, третьи – представителей культуры тумулусов Гордиона (Турция). В процессе формирования пазырыкцев определенное участие принимало местное население, подвергшееся воздействию пришедших племен. Упадок пазырыкской культуры объясняется военной экспансией хунну, в результате часть «пазырыкцев» переместилась в Среднюю Азию (Тишкин, 2009, с. 138-139).

Этнокультурогенез пазырыкской культуры можно проследить с эпохи бронзы, когда на завершающей стадии существования каракольской культуры, этнически самодийской, значительная часть ее носителей вступила в тесные контакты этнически иранским пришедшим с запада населением, представителями бегазы-дандыбаевской

культуры. В результате некогда монолитный самодийский блок разбился на две части. Одна из них – автохтонная. Ее представляла сначала раннескифская группа, затем носители кара-кобинской культуры. Вторая – этнически иранско-самодийская, стала представлять пазырыкскую культуру. С В конце III – начале II в. до н.э. под ударами хуннов, двигавшихся из Центральной Азии на север, часть пазырыкцев была вынуждена покинуть исконные территории Горного Алтая и мигрировать на север через зоны обитания родственного самодийского населения. В севере Западной Сибири смешиваясь с уграми и другими северосибирскими популяциями оформился этнический колорит среднесибирских самодийцев (Молодин и др, 2003, с. 167).

Перекрестные браки среди знати скотоводческих племен азиатских степей могли стать причиной появления монголоидных признаков у пазырыкцев. Такая примесь является метисной по своей природе и не связана с приходом монголоидного населения. Метисация могла происходить на прежней территории обитания предков пазырыкцев (Руденко, 1960, с. 338). По его описанию, пазырыкцы Алтая представлены следующими физическими типами: брахикранными (круглоголовыми), суббрахикранными (почти круглоголовыми), резко долихокранными (очень длинноголовыми) и мезокранными (среднее между брахикранией и долихокранией) (Руденко, 1960).

Т.А.Чикишева монголоидный элемент в скифском (сибирском) этносе пазырыкского времени связала с хуннским населением Монголии и Забайкалья, которое, в свою очередь, формировалась на базе неолитического долихокранного населения (палеосибирский тип). Обобщая антропологический материал по ранним кочевникам Горного Алтая, Т.А.Чикишева выделила три морфологических пласта: андроновский, окуневско-карасукский и андроновно-ирменский. По ее мнению, пазырыкцы наиболее близки кочевникам Западного Саяна, сакам и усуням Центрального и Восточного Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау, Алайской долины и тагискенским сакам-сакаравакам (Приаралье) (Чикишева, 2000).

Особое мнение высказал Л.С.Марсодолов, связавший пазырыкцев с изгнанными из Азии киммерийцами. Резкое возрастание больших курганов вождей и их приближенных (Туэкта-I, Башадар-II и др.) на Алтае Л.С.Марсодолов связывает с появлением там изгнанных из Передней Азии киммерийцев. При этом акцентирует внимание на том, что по своему конструктивному решению, объему трудозатрат большие алтайские курганы не имеют аналогов в предшествующее время на этой территории. Появление нового военизированного этноса способствовало формированию многоэтнической общности в VI-V вв. до н.э. в разных районах Алтая – пазырыкцев, каракобинцев, саглынец, кулажургинцев, бийцев, даже потомков тасмолинцев и др (Марсодолов, 1999).

Публикация обнаруженных в 70-80 е годы в Ордосе погребальных памятников эпохи Чжаньго (V-III вв. до н.э.) позволило ряду исследователей сделать выводы о культурном, и возможно, этническом единстве населения Ордоса и Алтая в позднескифское время. Данные о распространении, датировке и стилистических особенностях поясных украшений, свидетельствуют о перемещении групп населения ("лоуфаней" ?) из Ордоса в Саяно-Алтай в IV в. до н.э. При этом А.А.Ковалев алтайско-ордосские контакты не связывает с именем юэчжей, впервые достоверно локализуемых во II в. до н.э. китайскими письменными источниками в Ганьсуйском коридоре, "между Дуньхуаном и горами Цилян" (Ковалев, 1999).

В топонимике Горного Алтая А.М.Малолетко находит названия иранского (пуштунского) происхождения и по этой причине пазырыкцев связывает с ираноязычным населением (Малолетко, 2005).

Изучение шерстяных тканей Укока и "царских" курганов показала высокий

уровень мастерства ткачей, соответствующий мировым достижениям рассматриваемой эпохи. По предположению Н.В.Полосьмак, весь пазырыкский текстиль происходит из оазисов Синьцзяна. Регионом, откуда для жителей Горного Алтая и Синьцзяна появилась текстиль, она считает восточные окраины Ахеменидской империи времен завоеваний Александра Македонского. В пазырыкских могилах находятся вещи, которые принесли с собой на Алтай пришельцы, не имевшие отношения к местной примитивной культуре. При этом она упор делает на результаты исследований дендрохронологическим методом, что Пазырыкские курганы и все могильники Укока существовали немногим более 30 лет. Эти вещи служили одному-двум поколениям и ушли вместе с ними в иной мир (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 167-169).

Встречается интересное предположение, что в горах Алтая поселились согдийские беженцы, более того «юэчжи» переводят как «согд». В результате завоеваний Александра Великого, согдийцы появляются на Востоке. Но именно в этом и состоит разночтение между гипотезой о появлении согдов – юэчжи в Средней Азии в результате экспансии племен, положивших начало Кушанской империи и ираноязычного элемента (согдийцев) в Алтай, после походов Александра Македонского. Н.В.Полосьмак культурные достижения пазырыкцев связывает с иранским и среднеазиатским импортом (гобелены, петельчатые и ворсовые ковры, золотая серьга, серебряная пряжка, семена кориандра, красители), обнаруживает индийские вещи (бронзовое зеркало-погремушка, конопля, стеклянный бисер, хлопок и шелк для рубаш). По ее утверждению, все эти элементы выглядят как разовые поступления, ушедшее в могилы с теми, кому все это принадлежало и кем ценилось (Полосьмак, 2005, с. 101).

Таким образом, яркая Пазырыкская культура Горного Алтая привлекает большое внимание исследователей. Многие народы алтайской языковой семьи, индо-иранские, тибето-бирманские и угро-самодийские народы претендуют на ее наследие. Отсюда вывод один. В территории Алтая существовал очаг древней цивилизации, во многом синкретичной, возникшего в результате прихода этнических групп с Ордоса и Средней Азии, ассимилированной местными группами самодийского и алтайского происхождения. Влияние этой цивилизации на становление народов вышедших из Центральной Азии было огромным, она прослеживается через тысячелетия в культурах самых разных этносов Евразийского континента. Спорной также является вопрос отождествления пазырыкцев с упоминаемыми в письменных источниках народами. В историографии встречаются отождествление их с «грифами, стрегущими золото» Геродота, с алтайскими скифами, саками, массагетами, юэчжи, утверждения о этнокультурной их связи с тохарами, киммерийцами, согдийцами, сарматами, усунями, осколками индоиранцев, лоуфанями Ордоса. Поэтому нужны дальнейшие исследования в определении этнической принадлежности носителей пазырыкской культуры. Исследование в этом направлении ведутся археологическими, генетическими, лингвистическими (топонимика) методами, также изучаются китайские, ближневосточные источники и даже древнегреческие. Интересным моментом становится обнаружение этнокультурных параллелей с пазырыкцами в мифологии и в материальной культуре коренных народов Сибири: самодийцев, саха.

Литература

Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов: Учеб. пособие. - Якутск: Изд-во Якутского университета, 1996. – 230 с.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. – С. 64.

Гоголев А.И. Скифо-сибирские истоки традиционной культуры якутов//Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск, 1987. – 143-149.

Гоголев А. И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993. 200 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. - С.38-93.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Евтюхова Л.А. Рецензия на книгу С.И.Руденко «Культура населения Горного Алтая в скифское время» // Вопросы истории. – 1954. – № 6. – с. 145-150.

Каралькин П.И. О древнейшем способе доения скота у сибирских кочевников (По материалам Алтая и Тувы)//Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. - С.46.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М-Л., 1951.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – МИА. - №8. – М.; Л., 1949.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – 165 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные им

Источник: <http://Сборник материалов конференции посвященной 140 летию Чорос Гуркина Горноалтайск 2010>

Интерпретация археологических и генетических материалов по этногенезу саха.

Ахмет Татаров (Казань, Татарстан, Российская Федерация)

Введение.

Археологические материалы по этногенезу саха стали собираться с начала XX в. Тогда М.П.Овчинников, потом Б.Э.Петри стали упорно заниматься поиском южных предков саха и доказательством прибайкальской прародины [Петри, 1923, N 1]. С ними в научную полемику вступил якутский краевед Е.Д.Стрелов, занимавшийся раскопками древних якутских могил, он написал статью с контраргументами, где сделал вывод, что работа профессора Б.Э.Петри является ложной вехой в этнографической литературе по саха [Стрелов, 1926, Вып.3].

Курумчинская археологическая культура, в согласии с юаньскими хрониками была приписана к племени кури, обитавшему в Приангарье, гипотетическими предками которых являлись гулиганы, отождествленные с курыканами в орхонских надписях. На основе исследований Б.Э.Петри А.П.Окладниковым была выдвинута теория о курыканском происхождении якутского народа или связал курумчинскую культуру с этногенезом саха, Масштабные археологические исследования, проведенные А.П.Окладниковым в территории Восточной Сибири, позволили ему обосновать свое видение этногенеза саха, сделанное в I томе Истории Якутской АССР. В последнее десятилетия его теория все время дополнялась новыми археологическими данными, сделанными в территории Средней Лены и Прибайкалья.

Средневековые Якутии была изучена Ленской историко-археологической экспедицией, проводившей исследования под руководством А.П.Окладникова в 1940 – 1946 гг. В итоге была предпринята попытка выделить последовательные этапы раннего железного века и архаической культуры якутов XV – XVII вв. [Окладников].

В 1965-1971 гг. Приленская археологическая экспедиция под руководством И.В.Константинова провела раскопки около 70 якутских погребений, датированных им

XVIII в. Накопленные в середине 1970-х гг. археологические материалы, открытые предшественниками и ПАЭ, были обобщены и синтезированы в монографии И.В.Константинова «Ранний железный век Якутии», и в статье «Происхождение якутского народа».

В 1974-1992 гг. археолого-этнографической экспедицией ЯГУ под руководством А.И.Гоголева проводились раскопки позднесредневековых поселений и погребений саха. Результаты работ экспедиции были обобщены и синтезированы в двух монографиях [Гоголев, 1990, 1993]. Выделение им кулун-атахской культуры XIV-XVI вв. явилась знаковым событием в археологическом изучении этногенеза саха. Материалы этой экспедиции были использованы в монографиях Ф.Ф.Васильева и Р.И.Бравиной [Васильев, 1994; Бравина, 1994].

Для изучения эпохи железа и раннего средневековья очень важными являются материалы, открытые раскопками комплексной историко-археологической экспедицией ЯГУ, работающей под руководством А.Н.Алексеева. На основе обобщения труда предшественников и собственных археологических раскопок им написана монография «Древняя Якутия: железный век и эпоха раннего средневековья» [Алексеев, 1996].

Отряд археолого-этнографической экспедиции ЯГУ с участием Н.П.Прокопьева и С.К.Колодезникова в полевые сезоны 1996-1997 гг. отрядом археолого-этнографической экспедиции ЯГУ проводились раскопки поселения кулун-атахской культуры в местности Ус-Хатын (места встречи и местожительства родоначальников саха Эллэя и Омогоя), а также дохристианских погребений. Археолого-этнографическая экспедиция ЯГОМИиКНС под руководством В.В.Попова проводила раскопки погребений с конем на территории Татгинского и Чурапчинского улуса, а также окрестностей Якутска.

С 2004 г. на территории Центральной Якутии начала свою работу Саха-французская археологическая экспедиция в рамках программы МАФСО (Французские археологические экспедиции в Восточной Сибири). В его работе самое активное участие принимают якутские археологи С.К.Колодезников и В.В.Попов.

Продолжается и археологическое изучение территории Байкальского региона Работающая с 1984 г. Байкальская археологическая экспедиция, организованная в ИМБИТом СО РАН, руководимая Б.Б.Дашибаловым. своей задачей считает изучение средневековых древностей с целью реконструкции этнической истории бурят. С этой позиции сделана попытка совершенно с иных позиций взглянуть на старый уже имеющийся материал, были выдвинуты и обоснованы принципиально новые положения в изучении курумчинской культуры. В его работах есть множество мыслей этногенетического характера о происхождении якутского этноса [Дашибалов, 2003].

С середины 80-х гг. работает отряд лаборатории археологии ИГУ, руководимая А.В.Харинским. Результаты работ опубликованы в ряде статей и двух монографиях [Харинский, 2001]. Им принципы выделения, хронология и само содержание курумчинской археологической культуры подверглись существенной корректировке.

С 1987 г. начались широкомасштабные исследования средневековых погребений и ритуальных комплексов Южного Приангарья под руководством В.С.Николаева. Итогом явилось монография «Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII-XIV веках: усть-талькинская культура» [Николаев, 2004]. Им выделена усть-талькинская археологическая культура XII-XIV вв. на территории Южного Приангарья

Пока наша компетенция не позволяет представить целостную картину этногенеза саха на основе осмысления археологических культур Прибайкалья и Средней Лены, поэтому ограничимся

Курумчинская культура Прибайкалья.

Все началось с того, что в 20-х г. иркутский профессор Б.Э.Петри открытую им археологическую культуру "курумчинских кузнецов" раннего железного века вокруг Байкала, Ангары связал с происхождением скотоводов средней Лены – саха.

Помимо предметов из железа, Б.Э.Петри было найдено также большое количество фрагментов керамических сосудов баночной формы с плоским дном, украшенных по тулову налепными валиками рассеченными овальными вдавлениями; с поясками пальцевых защипов; прочерченным дугообразным орнаментом; пряслица и обломок жернова.

Петри сравнил материальную культуру курумчинцев с якутской и, найдя много общего, сделал предположение о возможной миграции части курумчинцев на север, в Якутию, после вытеснения последних монгольскими племенами [Петри, 1923, с. 62-64].

Одно перечисление элементов курумчинской культуры характеризует оседлый, комплексный земледельческо-скотоводческий тип хозяйства курумчинцев. С якутской ее сближают жильё типа балагана, коса-горбуша, пряслица с орхонским письмом, орнамент керамики "курумчинских кузнецов" и это свидетельствовало о том, что "...неизвестный народ "курумчинские кузнецы" не кто иной, как предки якутов" [Петри, 1923, с. 62-64].

С его выводами был не согласен якутский краевед Е.Д.Стрелов, проводивший археологические раскопки на территории Средней Лены: "Доисторические кузнецы Прибайкалья не являются предками саха". Он считал, что работа профессора Б.Э.Петри является ложной вехой в литературе по доистории саха. Будущим исследователям он оставил такое предупреждение: "Исследователь, который доверится этой вехе, забредет в такие дебри, где нога якутского народа не ступала никогда"¹¹.

В.И.Подгорбунский согласен с Б.Э. Петри в том, что якутские горшки и горшки, находимые на стоянках и в могильниках древнежелезного века Иркутской губернии и Забайкалья, близки, причем сходство наблюдается не только в орнаменте, но и в форме сосудов. Это сходство, по мнению В.И. Подгорбунского, обусловлено тем, что в культуре якутов сохранились элементы культуры древнетюркских племен, живших когда-то в Прибайкалье¹².

Происхождение якутских «чоронов».

При раскопках древнеякутских поселений XIV - XVIII вв. очень часто находят глиняные ножки, функциональное назначение которых неизвестно. Три такие глиняные ножки были найдены в 1941 г. А.А. Саввиным в развале древнеякутского жилища в местности Ухааныйа Болтогинского наслега Чурапчинского улуса. Они находились в глиняном горшке, завернутом в бересту, ножками которого, вероятно, и являлись [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 12, д. 70, л. 342 - 343]. А.Н.Алексеев утверждает, что эти глиняные ножки служили подставками для круглодонных сосудов. Проведенные им эксперименты показали, что круглодонные глиняные сосуды весьма устойчиво могут покоиться на трех подобных ножках-подставках.

В целом схема образования чорона по нему представляется примерно следующей. На ножки-подставки, привнесенные на среднюю Лену тюрками, водружались круглодонные керамические сосуды, издавна существовавшие у палеоазиатов Якутии. Со временем ножки и тулово ритуальных сосудов стали делаться цельными, что отличало их от обыденных горшков. Таким образом, А.Н.Алексеев считает чороны результатом симбиоза аборигенной культуры палеоазиатов (тулово и орнамент чорона) и культуры пришлых тюрков (ножки, ритуально-культуовое предназначение чоронов). В настоящее время чороны имеются только у якутов и являются, по его мнению,

своеобразным показателем синтезированного этнического происхождения народа саха. Исчезновение тонкостенной керамики эпохи раннего железного века фактически датируется началом второй четверти II тыс. Интересно отметить, что тунгусы и юкагиры, с которыми связывают культуры начиная от неолита до раннего железного века в территории Якутии, в XVII в. уже не знали производства керамики. Это обстоятельство может говорить о сравнительно давнем исчезновении из их обихода глиняных сосудов. Во всяком случае, так рано, что даже не сохранилось о них упоминания в фольклоре этих народов [Народы Сибири. М; Л., 1956. с. 716-720].

По словам генетика С.А.Федоровой «результаты нашей работы больше соответствуют антропологическим исследованиям дринг-юрэхской серии черепов позднего неолита [Гохман и Томтосова, 1992] и указывает на то, что происхождение ымыяхтахской культуры, возможно, связано с центральноазиатским регионом» [Федорова, 2008, с. 137].

Кулун-атахская культура на Средней Лене.

В 1976 и до начала 1990-х гг. впервые были выявлены и раскопаны памятники, связанные с распространением скотоводства в бассейне Средней Лены. Эти поселения, изученные в Мегино-Кангаласском, Таттинском, Чурапчинском, Усть-Алданском, Амгинском улусах, были объединены А.И.Гоголевым в одну кулун-атахскую археологическую культуру [Гоголев, 1990, с. 10-53]. В дальнейшем такие поселения были обнаружены на территории Вилуйского улуса.

По определению А.И.Гоголева эти поселения скотоводов относятся к одному времени, к одной этнической общности. По радиоуглеродным данным они были определены XIV-XV вв. [Гоголев, 1990, с. 23-38].

Довольно неожиданным является вывод французских исследователей, что скелеты из погребений XV-XVI вв. не обнаруживают ярко выраженные морфологические «монголоидные» черты и они могли бы принадлежать представителям первой волны мигрантов из Центральной Азии. В то время многочисленные скелеты из погребений XVII-XVIII вв. обладают морфологией, характерной для монголоидных народов (выраженная нижнечелюстная кость, резцы в форме лопатки, небный торус и т.д.) и они могли представить вторую волну заселения, пришедшую из Монголии/Бурятии [Попов, 2008, с. 31-32].

Данное заключение французских археологов противоречит мнению о том, что монголоязычный (хори-туматский) пласт был более ранним по сравнению с поздним тюркоязычным, кангло-кыпчакским компонентом. По свидетельству фольклорных источников в согласии с архивными данными по истории Забайкалья, составившие значительную часть якутов представители родов хоро и боотулу, родственные бурятским «кори и батулинцам» могли придти на Среднюю Лену только в XVII в.

Тотемом хоринцев согласно Ц.Б.Цыдендамбаеву была собака. В этом ключе интересны захоронения собак, обнаруженные Н.П.Прокопьевым в Амгинском, Мегино-Кангаласском и Вилуйском районах [Попов, 2008, с. 33].

По словам А.И.Гоголева, влияние монголоязычной среды, хорошо проявляемое на языковом материале, в археологических памятниках XVII-XVIII вв. практически не прослеживается, не прослеживается оно также на якутском орнаменте XVII-XVIII вв. за небольшим исключением.

Выделение А.И.Гоголевым скотоводческой кулун-атахской культуры XIII-XV вв. на Средней Лене, является переломным этапом в научном изучении времени и места формирования народа саха. В кулун-атахской культуре (конец XIII в. – XVI в.) появляются плоскодонные керамические сосуды, размер строений увеличивается и они приобретают форму балаганов с пристроенными к ним хлевами-хотонами. Обильный

остеологический материал свидетельствует о разведении кулун-атахцами лошадей и коров [Гоголев, 1990, 1993].

Ф.Ф.Васильев выделяет раннеякутский этап этногенеза связанный с кулун-атахцами, датируемый второй половиной XIII–XIV вв., связывая его с племенами кыргыс, хоро, тумат и выделяет их как ранний, кыргысский пласт. С кангаласцами – носителями культуры погребений с конем, связан финальный этап этногенеза саха, для него характерна консервация кимако-кыпчакских элементов [Васильев, 1995]. Носителей погребений с конями он отождествляет с населением кыргыс-отехов.

Усть-талькинская культура Приангарья XII–XIV вв.

Археолог В.С.Николаев из Иркутска в территории Южного Приангарья выделил отдельную усть-талькинскую археологическую культуру XII–XIV вв. Тем самым ему удалось заполнить недостающий курыканский фантом в изучении археологии Предбайкалья XII–XIV вв. и этногенеза саха. Народом, создавшим усть-талькинскую культуру, В.С.Николаев объявил тюркоязычные племена туматов, мигрировавших в конце XI в. в Предбайкалье с предгорий Саяно-Алтая. Также он выявил связь туматов с кимако-кыпчакскими материалами и считает, что они мигрировали в XV в. из Предбайкалья на Среднюю Лену [Николаев В.С., 2003].

Тем самым, он археологически доказывает, довольно позднее появление предков саха из западных регионов на территорию Предбайкалья. Судя по обширной историографии вопроса, хори-туматы XIII в. являются общим компонентом бурятского и якутского этноса. Имеются фольклорные источники саха считающие туматов чужеродным, крайне воинственным автохтонным племенем Вилюя. Они противоречат точке зрения отождествляющей южных предков именно с туматами. По архивным же документам XVII в. имя тумат применялось в качестве названия для якутского населения Среднего Вилюя [Николаев С.И., 1957] и наличие их представителей в составе центральных волостей, свидетельствуют о наличии туматского субстрата среди населения Центральной Якутии, ассимилированных поздними прищельцами.

Вывод об участии кимако-кыпчакского компонента в формировании усть-талькинцев, которых В.С.Николаев считает хори-туматами, также является довольно неожиданным. В целом автор выдвинул крайне интересную научную проблему, которая нуждается в дальнейшем уточнении и изучении. Она любопытно тем, что удачно связывает гипотезы, выдвинутые еще исследователями XVIII–XIX вв., с новыми научными данными по археологии Южного Приангарья в XII–XIV вв.; и Центральной Якутии в XV–XVI вв.

В этом свете интересным являются проблема появления богатых одиночных захоронений усть-талькинской культуры. Богатый набор предметов вооружения – палаш, копьё, шлем и панцирь подчеркивают высокий социальный статус погребенных в них мужчин. По предположению В.С.Николаева, они могли принадлежать к вождям-старейшинам родовых объединений, составлявших усть-талькинскую культуру. Более любопытным является его вывод, что данные погребения принадлежат знаменитым воинам, прославившим свой род или племя в дальних походах в составе монгольских армий [Николаев, 2006, с. 307].

Следует напомнить, что академик А.П.Окладников людей оставивших Сэгенутский и Усть-Талькинский могильники по его датировке X в., считал «ранними монголами». Усть-талькинцев И.В.Константинов связывал с упоминаемым в Юаньши племенем усунь-хань, усматривая в этом китайском названии транскрипцию имени «ус-саха» [Константинов, 2003]. В.С.Николаев и А.В.Харинский в наше время также связывают усть-талькинцев с племенем усунь-мангун [Николаев, 2003].

Тем самым на археологических материалах поставлен вопрос об участии предков

сахы в монгольских походах. Но в якутских преданиях об этом не имеется сведений. "Монголы вод" или народ усуту-мангун в согласии с источниками представляется наиболее реальным претендентом на усть-талькинскую культуру Южного Приангарья XII-XIV вв. Однако такое предположение вроде-бы противоречит выводу о том, что усть-талькинцы непосредственно участвовали в этногенезе якутского народа и их культура связана с кимако-кыпчакским миром. Хори-туматы бурятскими историками считаются предками бурятов и в если принимали участие в этногенезе якутов, то только в качестве монгольского субстрата на Средней Лене. Предположение о том, что средневековые кыпчаки как часть подвластных Юаням кочевников проникали в Прибайкалье, не укладывается в дату радиоуглеродного анализа, согласно которому уже XII в. усть-талькинцы активно осваивали все Прибайкалье и сложились как единый народ.

Если обратиться к бурятским фольклорным источникам, то по ним до прихода бурятов в Прибайкалье проживал легендарный народ «хара монгол». Именно с ними буряты связывают древности края. В якутской мифологии и эпосе Туонэ Могол Тойон – первопредок саха, страна Могол Тойоно находится на Средней земле. По Сокровенному сказанию монголов, предки монголов стали совместно обитать вместе с племенем хорилар, отделившегося от хори-туматского союза. Вероятно, предки монголов с племенем хори встретились в Прибайкалье. Это предполагает миграцию племени хори отделившегося от туматов с запада. Следовательно, вопреки установившейся историографической традиции,

В Ангарской долине и на западном побережье Байкала находят бронзовые зеркала китайского производства, говорящие о тесных торговых контактах с «Серединной» империей. По мнению исследователей, они любили употреблять китайские бронзовые зеркала [Кустов, Николаев, Тэцу Масумота, 2008, с. 192].

Такие же зеркала были обнаружены в Западной Сибири. Бронзовое дисковидное зеркало имело в центре сферическую петлю, в которую была продета цепочка из двух серебряных колец с костяными дисками. На орнаментальном поле в два ряда изображены животные [Могильников В.А., 1981, с.198-199]. Такие зеркала отливались в Китае. В культурах кочевников в подражание им изготавливались копии китайских зеркал.

В 2008 г. в конференции о музеях в Якутске к.и.н. В.Е.Васильевым было сделано сообщение о китайском зеркале в костюме шамана. Как отмечают археологи, некоторые зеркала обнаруживаются до современной этнографии и используются не только как диковинные, но и как культовые предметы шаманства. Они попадали в руки местных жителей из старых разрушенных святилищ и могильников. Скорее всего, диск с шаманского костюма был поврежден потому, что он первоначально использовался как сопроводительный инвентарь древнего погребения. В середине диска, на выпуклой петле была прикреплена железная цепочка с зооморфным изображением волка или собаки.

Погребения с конем.

Обряд погребения с конем, особенно с остовом коня, чуждый как для курыкан, так и для монголызычных предков якутов связывают с кыпчаками. Западную ориентацию, характерную в погребальном обряде якутов, считают возникшим под прямым или опосредствованным воздействием кыпчакской среды. Во всяком случае, известно, что в XII-XIII вв. под влиянием печенежско-торчского обряда, как отмечалось выше, половцы (кыпчаки) стали придерживаться западной ориентации при погребении умерших. С ними с левой стороны, в отдельной яме или вместе с покойником, обнаруживается захоронение остова коня головой на запад, иногда, на приступке,

рядом с ямой, перекрытой деревянными плахами [Гоголев, 1990].

Еще в кимакское время в Верхнем Прииртышье в эпоху раннего средневековья были распространены погребения с конем (Трифонов Ю.И., 1987, с.170-176). Д.Г.Савинов высказал предположение, что эти памятники принадлежат йемекам, одному из ведущих племен кимакской конфедерации, по имени которых было названо все объединение.

В памятниках, относящихся к XI в., до времени продвижения кыпчаков в степи Восточной Европы, у них продолжал бытовать обряд захоронения умерших с верховым конем (Могильников В.А., 2002, с.89-90).

Кочевники, жившие в степях восточного, северного и центрального Казахстана, перестали хоронить своих соплеменников в сопровождении верхового коня уже в начале II тыс. н.э. Для погребальной обрядности кочевого населения Казахстана было характерно полное изживание прежних традиций древнетюркского и кимакского периодов. Обряд погребения с конем или со шкурой коня сохранился только у западных кыпчаков-половцев и на северной периферии Кок-Орды, в Верхнем и Новосибирском Приобье, где он встречается на одних и тех же памятниках, на которых преобладают погребения по обряду одиночной ингумации.

По мнению И.Л. Кызласова, кыпчакским воинам из войска Тутухи могли принадлежать одиночные захоронения по обряду ингумации, исследованные Г.П. Сосновским на Среднем Енисее (Кызласов И.Л., 1980, с.90-91). Однако эти памятники не имеют аналогий в комплексах "восточных кыпчаков". Вероятнее всего они могут принадлежать кыргызским кыштымам. Сложнее определить этнокультурную принадлежность погребений по обряду ингумации со шкурой или чучелом коня и захоронений с обрядом одиночной ингумации, поскольку подобные варианты обрядности были характерны для разных средневековых кочевых этносов. В Саяно-Алтае и Монголии погребения со шкурой коня могли принадлежать уйгурам (Худяков Ю.С., 1985, с.98). Вероятно, уйгурскими по происхождению могут быть подобные погребальные комплексы в Верхнем Прииртышье и Степном Алтае.

Заключение.

В последнее время достигнуты определенные достижения в изучении археологических культур на территории Средней Лены и Байкальского региона, имеющих отношения к этно и культурогенезу народа саха. Особо отметим исследования усть-талькинской археологической культуры сделанные В.С.Николаевым и А.В.Харинским, М.В.Кустовым.

Постольку мы являемся специалистом по ранней этнической истории саха на основе фольклорных источников, то считаем необходимым, выделить совпадение результатов исследования В.С.Николаева с ними, связавшего формирование особенностей погребального обряда и материальной культуры саха с территорией Приангарья XII-XIII вв.

В то же время значительные изменения культуры прищельцов на Средней Лене позволяет связать формирование якутского этноса с кулун-атахской культурой Средней Лены XIII-XV вв. Как кулун-атахцы соотносятся с носителями «погребений с конем», связываемых с усть-талькинцами Прибайкалья, исчезнувшими в конце XIV в. могут сделать только новые археологические исследования. Сами кулун-атахцы несли ощутимое влияние местных традиций. Бронзовые и железные изделия найденные на территории Якутии могли быть занесены путем торговли и могли быть изготовлены редкими мигрантами с юга, впоследствии утерявшими свои навыки обращения с металлом и глиной.

Источник: <http://Ивестия лаборатории древних технологий Иркутск 201>